

Марко Саббатини
Дмитрий Максимов — самосознание
и путь филолога-поэта
в контексте советской идеологии

Разбирать стихи — все равно,
что ходить в галошах по ковру
Дмитрий Максимов

Посвящается Антонелле Д'Амелия

1. Роковая встреча с символизмом

Данная статья посвящена пересечению двух сфер творчества Дмитрия Евгеньевича Максимова (15 декабря 1904 — 13 марта 1987) — его литературоведческие работы рассматриваются в контексте художественно-философского сознания Максимова-поэта. В основе этой двусоставной деятельности, научной и творческой, — способность личности Максимова возвыситься — сквозь призму противоречивого процесса, вызванного внутренним стремлением к сверхличному литературному идеалу, — до самоопределения.

Доктор филологических наук, профессор Ленинградского университета, член Союза писателей, Дмитрий Максимов родился в дореволюционной России, в Царском селе, в литературном отечестве Пушкина, Ахматовой, Гумилева, Анненского, Алексея Толстого, Иванова-Разумника и других писателей, как он подчеркивает в своем автобиографическом очерке. Видимо, эти общие литературные царскосельские корни со временем приобрели особое значение в биографической оценке литературоведа и поэта Максимова. Петербургская жизнь на-

чалась для него после поступления в среднюю школу, и там в годы Революции и гражданской войны у молодого гимназиста зародился глубокий интерес к современному литературному процессу: «именно в то время потянуло к литературе, прежде всего к поэзии, особенно к Блоку»¹.

В начале 1920-х годов Александр Блок воспринимался «как явление, стоящее на рубеже старого и нового мира»². С этого момента жизненный путь Максимова непрерывно будет пересекаться с общим эстетическим влиянием русского символизма и, в частности, с личностью Блока: «Блок присутствовал и тогда, и позже, и до сих пор где-то в самых глубинных пластах души, определяя возможные для времени масштабы поэзии»³. Будучи студентом, Максимов стал увлекаться сочинением стихов: «для меня они были делом серьезным, растянувшимся во времени, хотя с перерывами, на всю мою жизнь. [...] Стихи оказали на меня влияние и в другом смысле. Они подтолкнули меня к изданию рукописных альманахов в школе и в университете»⁴.

Нужно заметить, что на Дмитрия Евгеньевича особое влияние оказал его старший брат Владислав Евгеньевич Евгеньев-Максимов (1883-1955), известный некрасовед, педагог и

¹ Максимов, Дмитрий. О себе. Автобиографическая заметка. / Дмитрий Евгеньевич Максимов (1904-1987). Сост., вступл. и публ. Антонелла Д'Амелия // *Europa orientalis*, № 8, 1989, с. 569-577. Первая версия автобиографической заметки вышла в Лозанне в 1982 г. в книге стихов, опубликованной под псевдонимом Игнатий Карамов. В России заметка была опубликована в 1994 году в сборнике: Максимов, Дмитрий. Стихи. Сост. Константин Азадовский. СПб.: Петербургский университет; Наследие ученых, 1994, с. 11-23.

² Максимов, О себе, с. 572-573.

³ Максимов, Дмитрий. Русские поэты начала века. Очерки: Валерий Брюсов, Александр Блок, Андрей Белый, Анна Ахматова. Л.: Советский писатель, 1986, с. 378-379.

⁴ Максимов, О себе, с. 573. См.: *Он же. Русские поэты начала века*, с. 377-378. «Я был тогда студентом первокурсником. В жизни моей и моих сверстников, товарищей по университету этих и последующих лет, стихи занимали огромное место, затопляли наши досуги, мешали ученью. Мы читали их день и ночью, в одиночку и друг другу, списывали их в тетради и писали сами. Эпоха расцветала невиданной поэзии, связанной с поэзией предшествующей и противопоставленной ей».

литературовед, который долгие годы был профессором Ленинградского университета⁵. В начале 1920-х годов Дмитрий Евгеньевич учился на филологическом факультете и, как он вспоминает, там были профессора, которые очень повлияли на его образование: среди них — Борис Эйхенбаум, Борис Томашевский, Иеремия Иоффе, Виктор Виноградов⁶. Как известно, эти ученые могли свободно работать до половины XX века, «когда удалось просуществовать на дореволюционном наследии вкупе с плодами научного свободомыслия первых пореволюционных лет»⁷.

2. Свидетель драмы литературоведения в сталинскую эпоху

Нужно напомнить, что в 1920-е годы, в годы учебы Максимова, в университете проходили горячие споры политического и методологического характера. Это происходило в начале культурной и идеологической перестройки советской эпохи, когда на филологическом факультете главные вопросы касались направлений социологизма и формализма и самого понимания историко-литературной науки как таковой⁸. Как известно, изучение истории русского литературоведения XX века до сих пор вызывает споры методологического и историографического характера; в случае Максимова они были

⁵ Ср.: Евгений-Максимов, Владислав. Черные дни Ленинграда. Воспоминания. Публ. Н. Максимовой. Вступит. заметка Дмитрия Лихачева // *Звезда*, 2011, № 2, б. паг.: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2011/2/bl11.html>. Отец Дмитрия Евгеньевича, Евгений Дмитриевич Максимов (псевдоним М. Слобожанин) был профессором Института народного хозяйства, по словам сына, был общественным деятелем «крупного масштаба». Средний брат, Борис Евгеньевич (1891-1947) – врач-психиатр, руководил психиатрической клиникой в Петербурге. (См.: Максимов, О себе, с. 570-571.)

⁶ Дмитрий Евгеньевич Максимов в памяти друзей, коллег и учеников: к 100-летию со дня рождения / отв. ред. Людмила Иезуитова, Ирина Приходько. М.: Наука, 2007, с. 7.

⁷ Дружинин, Петр. Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы. Документальное исследование. В 2 т. М.: НЛО, 2012. Т. 1. с. 7. На основе интереснейших документов и источников книга рассказывает о драматических событиях ленинградской гуманитарной мысли и науки 1940-х годов.

⁸ Максимов, О себе, с. 573-574.

связаны в большей степени с особой идеологической установкой советского академического литературоведения. «Основной цитаделью формализма был Институт истории искусств [...], в Университете социологи все же преобладали. [...] На этой почве происходили ожесточенные баталии между студентами. [...] В целом 'формалисты' и по общей культурной подготовленности, и по знаниям языков, и по связям с авангардистскими тенденциями искусства в спорах обычно побеждали»⁹. Несмотря на уровень дебатов, в которых Максимов принимал участие, сначала в качестве студента и, начиная с 1938 года, уже в роли преподавателя, он интересовался главным образом философской литературой и остался близким символистской традиции. Все эти веяния питали его «юношеские склонности, объединяя их с любовью к блоковской и постблоковской поэзии»¹⁰. Согласно словам Александра Дмитриева, «борьба и смена одной научной школы другой, так и поколенческий фактор движения знания (обостренное противостояние младших старшим) реализуются в литературоведении XX века по моделям, характерным не столько для науки, сколько для искусства, точнее литературы»¹¹.

Благодаря неканоническому и независимому подходу в литературоведении, научно-исследовательская деятельность

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, 574. См. также Иезуитова, Людмила. наброски к портрету Дмитрия Евгеньевича Максимова // Дмитрий Евгеньевич Максимов в памяти друзей, коллег и учеников, с. 112-125.

¹¹ Дмитриев, Александр; Устинов, Денис. «Академизм» как проблема отечественного литературоведения XX века (историко-филологические беседы) // *НЛО*, № 53, 2002, б. pag.: <http://magazines.russ.ru/nlo/2002/53/dmitust.html>. «При этом следует уточнить, что 'проблема академизма' актуальна далеко не для всего комплекса филологических специальностей, а в первую очередь для литературоведения, занимающегося общетеоретическими проблемами [...]. Негативная сторона проблемы академизма в литературоведении связана не только с влиянием советского наследия, идеологическим надзором и омертвлением наиболее централизованных и 'головных' институций (о чем далее), но с особым характером изучения литературы (преимущественно отечественной) как научной специальностью». См. также: Алпатова, Татьяна. История литературоведения и проблемы изучения личности писателя // *Вестник МГОУ. Серия «Русская филология»*. 2012, № 6, с. 39-44. <http://www.vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/3535>

Максимова в ее специфике только отчасти была включена в идеологическую борьбу академического контекста Ленинграда. Самостоятельные исследования о символизме, в частности, о журналах «Северный Вестник», «Новый Путь», о поэзии Брюсова¹², ссылка в Нарымский край, работа помощника и корректора в издательстве Академии Наук, свободное сотрудничество с Институтом русской литературы (Пушкинский дом), и отказ в поступлении в аспирантуру «за недостаточностью общественной работы» являются своеобразными элементами и событиями в биографии Максимова 1920-х — 1940-х годов. Эти опыты, прожитые в первой части сталинской эпохи, позволили молодому ученому выработать иммунитет против идеологизированной науки. В годы Великой отечественной войны Максимов жил и преподавал в Казани, Саратове и Иваново¹³. Сразу после снятия Блокады и возвращения Дмитрия Евгеньевича в Ленинградский университет (1945-1950 гг.) противостояние науки и идеологии обострилось.

Разгар борьбы за торжество метода социалистического реализма и ленинско-сталинского принципа партийности произошел именно в городе Ленина, где Андрей Жданов стал претворять идеи Сталина в жизнь советских писателей и ученых, и, получив от вождя относительную свободу, направил все силы на мобилизацию идеологического фронта. Главной целью масштабного пропагандистского мероприятия второй половины 1940-х годов было не только приведение в надлежащее политическое состояние деятелей культуры и науки, а включение всей интеллигенции в процесс идеологической агитации среди общества¹⁴. После Постановления ЦК КПСС

¹² Максимов, Дмитрий. Поэзия Валерия Брюсова. Ленинград: Гослитиздат, 1940. 299 с. Эта книга является первой монографической работой автора. В 1940 г. он защитил кандидатскую диссертацию о Валерии Брюсове.

¹³ Тайны закрытых писем. Из писем Д. Е. Максимова к Л. А. Розановой. Подбор материалов, примечания и комментарии Людмилы Розановой // Потаенная литература. Выпуск VI. Сборник научных статей. Иваново: ЛИСТОС, 2012, с. 145-171. <http://www.listos.biz/филология/потаенная-литература-выпуск-vi/из-писем-д-е-максимова-л-а-розановой/>

¹⁴ В данной обстановке 1930-1940-х годов многие профессора печатали книги и брошюры агитационного характера. Брат Дмитрия Максимова,

о журналах «Звезда» и «Ленинград» в августе 1946 года¹⁵, с которого началась травля Михаила Зощенко и Анны Ахматовой, усилилось давление на отдельных ученых и целые «неканонические» научные направления. В том же августе 1946 года редакция «Ленинградской правды» заказала Максимова рецензию на сборник Ахматовой «Стихотворения». Постановление вышло, когда рецензия была уже готова для печати, поэтому ее публикация в газете «Ленинградская правда» так и не состоялась. Дмитрий Евгеньевич подарил машинописный текст своей рецензии Ахматовой¹⁶.

В 1947-1948 годы началась травля Александра Зайцева, Бориса Эйхенбаума, Марка Азадовского, Владимира Проппа, Григория Гуковского, Владимира Шишмарева и учеников-апологетов Александра Веселовского, с обвинениями в буржуазной агитации и пропаганде, содержащих призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти¹⁷. Это было начало борьбы с «безродными космополитами». Заметно менялась сама обстановка на факультете, «его накрывала волна арестов, которые шли не останавливаясь. Состояние

Владислав Евгеньев-Максимов вместе с Григорием Гуковским подготовил к печати работу низкопоклоннического патриотического характера под заглавием «Любовь к Родине в русской классической литературе». Дружинин, Идеология и филология, Т. 1, с. 476.

¹⁵ Петр Дружинин в своем документальном исследовании подробно описывает Постановление 1946 года. См.: *Он же*, Идеология и филология, Т. 1, с. 76-105.

¹⁶ Спустя 43 года рецензия была опубликована в «Ленинградской правде» 29 января 1989 г. См.: Рец. Д. Е. Максимова на сб. Анны Ахматовой «Стихотворения». Публ. Михаила Кралина // Дмитрий Евгеньевич Максимов в памяти друзей, коллег и учеников: к 100-летию со дня рождения, с. 11-14. Об отношениях Максимова с Ахматовой, см. также: Максимов, Дмитрий. Русские поэты начала века. Очерки, с. 377-403. Ср. Егоров, Борис. Вечер с А. А. Ахматовой у Д. Е. Максимова (1964) // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский научный сборник. Вып. 8. Симферополь, 2010. с. 3-6. <http://www.akhmatova.org/articles/articles.php?id=139>

¹⁷ Дружинин, Идеология и филология, Т. 1, с. 537-538. 4 июля 1947 года Борис Эйхенбаум записал в дневнике следующие иронические слова: «Замечательное выступление Фадеева на пленуме. Александр Веселовский – дурак, а его ученики – попугаи».

перманентного стресса выбивало почву из-под ног в прямом смысле — все большему числу преподавателей становилось физически плохо. [...] Эйхенбаум записал в дневнике: „Инфаркт становится распространенной болезнью”»¹⁸.

Смерть Жданова 31 августа 1948 года не изменила ситуацию. Министр высшего образования Сергей Кафтанов сразу предложил «присвоить имя А. А. Жданова Ленинградскому Государственному университету» и 22 октября Сталин, одобряя предложение Кафтанова, подписал постановление «об увековечении памяти Андрея Александровича Жданова»¹⁹. В 1949 году продолжались чистки, смена руководства университета и погром академических деятелей Ленинграда: 26 мая Кафтанов подписал приказ «О крупных недостатках в учебной и научной работе гуманитарных факультетов Ленинградского Университета», где были следующие слова: «На филологическом факультете профессора Б. М. Эйхенбаум, М. К. Азадовский, Г. А. Гуковский и В. М. Жирмунский допускали в своих научных трудах и лекциях ошибки космополитического характера. Эти профессора в своих лекциях и научных работах принижали творчество великих русских писателей, проповедовали идеи буржуазного эстетства и формализма»²⁰. Максимов не был в самом эпицентре этой жесткой борьбы, хотя его имя упоминалось в постановлении парткома ЛГУ февраля 1948 года против формалистских, космополитических и буржуазных тенденций на кафедре Истории русской литературы²¹.

В конце 1940-х годов литературоведение на филологическом факультете представляло собой деградированную науку, жалкое зрелище, раздавленное по воле насильственной сталинской идеологической кампании. Тяжелейшая обстановка

¹⁸ Там же, Т. 1, с. 520. В эти годы в университете господствовал ректор Александр Вознесенский – пропагандист в духе Жданова.

¹⁹ Там же, Т. 2, с. 175-179.

²⁰ Там же, Т. 2, с. 429. Приказ Министра высшего образования СССР № 625 от 26 мая 1949 г. // Бюллетень Министерства высшего образования СССР. М., 1949. № 6. Июнь. С. 1.

²¹ Там же, Т. 2, с. 14.

на кафедре не способствовала плодотворной работе Максимова; в 1950 году он временно отошел от должности в ЛГУ и до 1956 года преподавал русскую литературу в Педагогическом институте им. Покровского, где его встретил ветер десталинизации²².

3. «Оттепель» методологий в научно-исследовательской работе

В начале 1950-х годов методологии формализма, социологизма и космополитизма оказались под запретом. Новое исследование истории развития литературы было прежде всего основано на социально-исторических и экономических факторах. Несмотря на это, далеко не все российские литературоведы, лингвисты и историки литературы следовали этой схеме литературного прогресса под знаменем социалистического реализма²³. В их числе был и Максимов. В эти годы Дмитрий Евгеньевич переключился на изучение творчества Михаила Лермонтова. С самого начала «оттепели» до второй половины 1960-х годов в свет вышли самые важные работы Максимова-лермонтоведа. В 1965 году он также защитил докторскую диссертацию о Лермонтове²⁴. В точном анализе Владимира Марковича о Максимова-лермонтоведе обнаруживается довольно свободный методологический подход литературоведа, для которого «отношение к формальной школе было в годы „оттепели“ явно неоднозначным»²⁵. Скорее всего, ни формализм, ни структурализм не доминировали в исследованиях Максимова, а в случае Лермонтова проявилась лишь эклектическая, «якобы марксистская, концепция литературного про-

²² Там же, Т. 2, с. 292.

²³ Маркович, Владимир. От «свободы маневра» к «тайной свободе». Д. Е. Максимов – лермонтовед в эпоху «оттепели» // Дмитрий Евгеньевич Максимов в памяти друзей, коллег и учеников, с. 255-272, с. 256-257.

²⁴ Иезуитова, наброски к портрету // Дмитрий Евгеньевич Максимов в памяти друзей, коллег и учеников, с. 112 и 121-122. Как вспоминает Борис Егоров, для своей докторской диссертации Максимов вначале выбрал Блока (письмо от 24 ноября 1954 г.). Ср.: Егоров, Борис. Д. Е. Максимов – душевно самый близкий из учителей // Там же, с. 21-32, с. 23.

²⁵ Маркович, От «свободы маневра» к «тайной свободе», с. 260-261.

цесса»²⁶, обусловленная социально-политической установкой писателя.

Независимо от оценки методологии, при нестрогости мышления и письма в литературе 1960-х годов, согласно мнению Марковича, можно сказать, что успех работ о Лермонтове «был обеспечен особенностями исследовательской индивидуальности Д. Е., ее устремительностью, и внутренней готовностью к полноценному диалогу культур»²⁷.

4. Роль и влияние Блоковского семинара

В 1957 году окончательное возвращение Максимова на филологический факультет Ленинградского университета открыло для него новые возможности. Кроме темы романтизма, он стал активно преподавать литературу начала XX века и основал спецсеминар по Блоку: «Мы продолжали нуждаться в Блоке, видеть в нем великого поэта. Он был нужен нам, быть может, и для каких-то последних разговоров с совестью, и для понимания подступов к сегодняшнему „эстетическому сознанию“»²⁸. Несмотря на атмосферу десталинизации, мнение партийных профессоров-идеологов о поэте-декаденте Блоке было подозрительным²⁹. Успех и популярность Блоковского семинара состояли в том, что Дмитрий Евгеньевич не ограничивал его рамками студенческой работы. На заседаниях с докладами выступали не только студенты, но и молодые писатели, любители поэзии, а также такие ученые, как Зара Григорьевна Минц³⁰. По уровню популярности и влияния на

²⁶ Там же, с. 263.

²⁷ Там же, с. 271.

²⁸ Максимов, Дмитрий. Русские поэты начала века. Очерки, с. 379. Автор подробно описывает влияние Блока в главе «О мифопоэтическом начале в лирике Блока» (Там же, с. 199-239).

²⁹ Ср.: Егоров, Д. Е. Максимов – душевно самый близкий из учителей // Дмитрий Евгеньевич Максимов в памяти друзей, коллег и учеников, с. 23-24. Тема диссертации Дмитрия Евгеньевича о современном символисте Блоке не удовлетворяла идеологические инстанции факультета, поэтому ему пришлось вернуться к романтику Лермонтову.

³⁰ На самом деле учителем Зары Григорьевны был тот самый Дмитрий Евгеньевич Максимов. См. также: Лавров, Александр. Д. Е. Максимов

молодые поколения ленинградских филологов Блоковский семинар имел свой эквивалент в Тарту, где в 1960-е годы студенты с большим интересом слушали лекции и доклады Юрия Лотмана и Зары Минц, посвященные поэзии и поэтам. О контакте и взаимовлиянии Максимова с Лотманом и Минц на основе параллельного и общего интереса к Блоку свидетельствует бесценная и интереснейшая переписка³¹, но, несмотря на дружеские связи и уважительные отношения, здесь нужно напомнить, что Дмитрий Евгеньевич считал метод анализа тартуской школы слишком механическим и абстрактным³². Его семинар не носил характера строгого методологического подхода к текстам Блока и русских символистов, общие методологические установки формализма и структурализма оставались на фоне собственных интуиций типологического характера самого Максимова. По словам Дмитрия Евгеньевича, «студенты семинара любили Блока и дорожили им, хотя тема о Блоке была непривычной и, думаю, ведущей вперед к свободе литературных вкусов и пристрастий. При этом, рассказывая о Блоке и обсуждая семинарские доклады, я всегда старался выйти за академические рамки темы и окружить ее светящейся блоковской атмосферой, открытой духовности и современным исканиям»³³.

Во второй половине XX века Максимов сыграл большую роль в филологическом образовании целых поколений ленинградских филологов и в поэтическом самообразовании та-

в штрихах благодарной памяти // Дмитрий Евгеньевич Максимов в памяти друзей, коллег и учеников, с. 146-155, с. 147-148. См. Мальчукова, Татьяна. Ученый и учитель // там же, с. 69.

³¹ Из переписки Д. Е. Максимова с Ю. М. Лотманом и З. Г. Минц. Публикация, подготовка текста, вступительная заметка и примечания Бориса Егорова (К 100-летию Д. Е. Максимова) // *Звезда*, 2004, № 12, с. 110-144.

³² Маркович, От «свободы маневра» к «тайной свободе», с. 261.

³³ Максимов, Дмитрий. О себе. Автобиографическая заметка, с. 575-576. «В моем семинаре одновременно работало 10 студентов, а многие против правил, оставались и на последующие курсы и даже посещали наши занятия после окончания университета. Не раз, пересидев положенные часы, мы возвращались с семинара черной ленинградской ночью или поздним вечером, проходя мимо „ректорского дома“, в котором родился Блок, додумывая обсуждавшиеся на семинаре темы».

ких молодых авторов, как Сергей Стратановский, Лев Васильев, Виктор Кривулин, Александр Кушнер, Елена Кумпан, Леонид Столович, Константин Азадовский, Кирилл Бутырин и многих других³⁴. Таким образом, деятельность Дмитрия Евгеньевича являлась идеальным мостом между разными поколениями литературной модернистской традиции. С этой точки зрения Блоковский семинар служил поводом для более близкого творческого общения между представителями «Второй культуры» Ленинграда и их учителем — Максимовым. Как вспоминал Кривулин, большинство молодых неофициальных авторов вышло из символизма. «Видимо, перед нашим поколением вообще стояла задача восстановить связь времен, вернуть историко-культурный процесс в естественное русло, а последней универсально значимой точкой этого процесса был символизм [...], с которым боролись в течение всего советского времени и авангардные поэты, и марксистские идеологи, и профессора духовных академий [...]. Его торжественно отменяли и к нему тайно возвращались. [...] Мы вышли из символизма со всеми вытекающими отсюда последствиями. Фигура Блока по крайней мере до конца 60-х годов оставалась для нас ключевой»³⁵.

В этом контексте работа Дмитрия Евгеньевича выразила весь талант учителя и мыслителя, представляя собой стоическую попытку художественной встречи автора и новых читателей, в поиске истинного литературного процесса в русле русской модернистской, «постсимволистской» традиции. Если в различных отраслях научной деятельности личность учёного играет решающую роль, то семинар Максимова подтверждает, что этот принцип имеет свое особое значение для

³⁴ Сам Дмитрий Евгеньевич иногда приезжал в Тарту на организованные Зарой Григорьевной Блоковские конференции. См.: Кумпан, Елена. Наши старики // История ленинградской неподцензурной литературы. 1950–1980-е годы. Сост. Борис Иванов, Борис Рогинский. СПб.: Деан, 2000, с. 29-39, с. 30-33. См. так же: ж. *Звезда*, 2004, № 4.

³⁵ Кривулин, Виктор. Петербургская спиритуальная лирика вчера и сегодня (К истории неофициальной поэзии Ленинграда 60–80-х годов) // История ленинградской неподцензурной литературы. 1950–1980-е годы. Сост. Борис Иванов, Борис Рогинский. СПб.: Деан, 2000, с. 99-109, с. 100.

литературоведения с его научно-педагогической, духовной и нравственной сущностью.

5. Противоречие как прием или наследие поэта-литературоведа

В семинаре у Максимова осуществлялся процесс преодоления академизма. Согласно словам Кривулина, всякий профессионализм в литературе «имеет свои верхние границы и некое проникновение, даже не в проблематику, скажем, исследуемого автора, а в плазму (тоже очень любимое Дмитрием Евгеньевичем слово „плазма“) творческого процесса»³⁶. Спорное и парадоксальное выражение «духовно-идеологическая плазма» появляется в метаязыке Максимова в начале 1970-х годов. Он считает, что «плазма» является важнейшим элементом словесного искусства и что литературоведение не может просто разделить произведение на форму и содержание: «хотелось бы, чтобы наша наука, мысля действительность как художественный текст, не разделяла бы в нем по существу (в анализе) содержание и формы, которые сами по себе в самой литературе единосущны — более, чем синтетичны»³⁷. Здесь речь идет об имплицитной характеристике литературного текста, лишённого точной и «твёрдой» структуры и не поддающейся рациональному анализу»³⁸. Дмитрий Евгеньевич развивал эту концепцию до конца своей преподавательской деятельности. Летом 1975 года, когда на кафедре Истории русской литературы решили сократить одного из сотрудников, Максимова была предложена отставка. Решение было похоже на безжалостную расправу, но Дмитрий Евгеньевич после ухода из университета продолжал очень продуктивно писать и, кроме отдельных работ о символистах, за год до смерти выпустил в свет свою последнюю книгу «Русские поэты начала века: Валерий Брюсов, Александр Блок, Андрей

³⁶ Кривулин, Виктор. Выступление на вечере, посвященном 90-летию Д. Е. Максимова // Дмитрий Евгеньевич Максимов в памяти друзей, коллег и учеников, с. 156-157.

³⁷ Максимов, О себе, с. 577.

³⁸ Маркович, От «свободы маневра» к «тайной свободе», с. 270.

Белый, Анна Ахматова» (Ленинград, Советский писатель, 1986)³⁹.

В эти годы в тамиздате и самиздате впервые распространялись стихи самого Дмитрий Максимова, которые долгие годы оставались ненапечатанными. Дмитрий Евгеньевич в своей автобиографической заметке вспоминает о том, что он всю жизнь писал стихи в стол: «я их не печатал и не решаюсь оценивать их качество, но во всяком случае они повлияли на выработку моих вкусов. Если бы их не было, я, как историк литературы, был бы другим лицом»⁴⁰.

Научная и творческая деятельность Максимова, с одной стороны, свидетельствует о его синтетическом и эклектичном восприятии литературной культуры, но, с другой стороны, в ней выявляются глубокие противоречия художественного мировоззрения литератора⁴¹. Разрабатывая проблематику поэтического слова на материале чужих поэтических систем, собственным творчеством он дополняет свою исследовательскую типологию. В отличие от высоких исканий символизма, в поэзии Максимова пробуждается и некая нарочитая дисгар-

³⁹ Иезуитова, наброски к портрету // Дмитрий Евгеньевич Максимов в памяти друзей, коллег и учеников, с. 112-125. Здесь нужно напомнить, что кроме символистов и Лермонтова, Максимов уделял свое внимание Ахматовой, Заболоцкому, Пастернаку, Вагинову, Маяковскому, Иванову-Разумнику и Абрамову и многим другим.

⁴⁰ Максимов, О себе, с. 572-573.

⁴¹ Максимов писал также под псевдонимом Иван Игнатов, но первый сборник был издан под псевдонимом Игнатий Карамов в 1982 г. в Лозанне, благодаря Жоржу Нива (изд. L'Age d'Homme). Второй, посмертный, сборник, составленный Азадовским, вышел в России в 1994 году с послесловием Тамары Хмельницкой: Максимов, Дмитрий. Стихи. Сост. Константин Азадовский, СПб: Петербургский университет; Наследие ученых, 1994, 176 с. До половины 1990-х годов вышли рецензии и статьи друзей и коллег Максимова-поэта, среди них обращают на себя внимание: Пайман, Аврил. Путь петербургской поэзии // Вестник русского христианского движения. 1983, № 140, с. 151-170; Лотман, Юрий. О поэзии науки (к 80-летию Дмитрия Евгеньевича Максимова) // Блоковский сборник. VII. Тарту, 1986; Топоров, Владимир. Стихи Ивана Игнатова. Представление читателю // Биография и творчество в русской культуре начала XX века: Блоковский сборник IX. Памяти Д. Е. Максимова / Отв. ред. Зара Минц. Тарту, 1989 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 857), с. 22-43.

мония, неприятная инфантильность, самоистязание, гротеск: «Где все осточертело / И дождик в стекла дупит, / Мое там Я сидело, / Глаза свои потупя. / И так мне Я сказало: / „Сорвался наш пробег. / Не взяты ль нам сначала, / Забыв себя на век?“» (стихотворение «Я»)⁴².

Многие его коллеги и ученики подчеркивали сложную противоречивую личность Максимова. По словам Азадовского, «Дмитрий Евгеньевич был натурой противоречивой, даже трагической»⁴³. Еще более «громко» свидетельствует об этом Кривулин: «Общаясь с Дмитрием Евгеньевичем Максимовым, я получил на всю жизнь колоссальный урок [...]. Он сказал: „Вы должны выбрать: Будете ли Вы писать стихи или заниматься филологией“. [...] По сути дела, общаясь с Максимовым, мы имели отношение с каким-то уникальным феноменом. [...] Он был очень противоречивым человеком. Именно это ощущение, что ты живешь в постоянном напряжении, когда нужен постоянный выбор [...] между виной и обидой, причем не только по отношению к людям, но и по отношению к литературе, для меня стало действительно школой не только филологической, но и поэтической»⁴⁴.

Не случайно, один из любимых девизов Дмитрия Евгеньевича «разбирать стихи — все равно, что ходить в галошах по ковру»⁴⁵, содержит весь внутренний интеллектуальный конфликт его деятельности профессора, литературоведа и поэта. Противоречивый характер личности Максимова говорит о широте, беспокойстве и свободе его аналитического взгляда и, в конечном итоге, является знаком интеллектуальной независимости поэта и литературоведа. Согласно словам Константи-

⁴² Максимов, Дмитрий. Стихи. Сост. Константин Азадовский, СПб.: Петербургский университет; Наследие ученых, 1994, с. 68.

⁴³ Азадовский, Константин. Вспоминая Максимова // Дмитрий Евгеньевич Максимов в памяти друзей, коллег и учеников: к 100-летию со дня рождения, с. 158-162, с. 159.

⁴⁴ Кривулин, Выступление на вечере, посвященном 90-летию Д. Е. Максимова, с. 156.

⁴⁵ Дунаева, Наталия. Д. Е. Максимов: зарисовки памяти // Дмитрий Евгеньевич Максимов в памяти друзей, коллег и учеников: к 100-летию со дня рождения, с. 41-54, с. 46.

на Азадовского, «он умел двигаться против течения, без оглядки на авторитеты, опрокидывая то, что считалось общепринятым, и открывая новые горизонты (это можно видеть и в его стихотворчестве)»⁴⁶.

В последние годы своей жизни литературовед Максимов осуществляет прием осознанной субъективности ученого, включая себя в сферу собственного изучения и творческого искания⁴⁷. Он сам становится объективным фактом, осознавая, почему произведение искусства открылось для него именно с этой стороны, в определенный исторический момент, в котором он изучает данное явление⁴⁸.

⁴⁶ Азадовский, Вспоминая Максимова // Дмитрий Евгеньевич Максимов в памяти друзей, коллег и учеников: к 100-летию со дня рождения, с. 161. См. также: Азадовский, Константин, Лавров, Александр. Памяти Д. Е. Максимова (1904-1987) // Литературное наследство, т. 98/2, с. 589. «Научный метод Максимова всегда отличался многоплановостью и глубиной, стремлением к широте, к выходу за рамки исследуемой литературы, страны, эпохи». <http://www.old.imli.ru/structure/litnasled/soder98-2.php>

⁴⁷ Гарафутдинова, Герта. Лирика Д. Е. Максимова (творчество Блока как объект научной и поэтической рефлексии) // *Rossica Petropolitana Juniora*: Сборник научных работ молодых ученых в области русистики. СПб., 2007, с. 76-86. «На протяжении всего творческого пути — и исследовательского, и поэтического — Максимов обращался к устойчивым мотивам лирики Блока. Но если в исследовательских работах они подвергались научному анализу, направленному на выявление мировоззренческой позиции Блока, то в поэтических опытах эти мотивы активно переосмыслились, становясь импульсом и отправной точкой собственных духовных исканий». http://mir.spbu.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=772:rj-08#10

⁴⁸ См. Лихачев, Дмитрий. Еще раз о точности литературоведения (заметки и соображения) // *Русская литература*, 1981, №1, с. 84-88. Ср. Он же, О точности литературоведения // Литературные направления и стили. Сборник статей, посвященный 75-летию профессора Г. Н. Поспелова. Изд. МГУ, 1976, с. 14-17.